

RU

Семантические универсалии в эволюции цветообозначений общеславянского и пратюркского языков

Кожемякова Е. А., Исаев Ю. Н., Губанов А. Р., Петухова М. Е.

Аннотация. Цель настоящего исследования – выявление семантических универсалий в эволюции цветообозначений общеславянского и пратюркского языков. В статье анализируется семантика индоевропейских праформ общеславянских и алтайских праформ пратюркских цветообозначений. Научная новизна данного исследования заключается в том, что проводится сопоставительный анализ семантики древнейших праформ цветообозначений двух разных языковых семей. Традиционно данные наименования считаются примером, иллюстрирующим национальную специфику отражения окружающей действительности в языке того или иного народа, однако системное изучение семантики цветообозначений в диахроническом аспекте обнаруживает сходные черты, свидетельствующие о наличии принципиальных отличий современного и древнего восприятия, характерных для разных языков. Для выявления таких семантических универсалий был проведен компонентный анализ семантики древних праформ, которые в общеславянском и пратюркском языках развивали значение белого, черного, красного, синего, зеленого и желтого цветов и их оттенков. В результате выявлены следующие семантические универсалии: отсутствие изначальной семантической связи с предметом-эталоном, наличие семантической связи со светом, синкретичность обозначаемого цветового тона.

EN

Semantic universals in the evolution of colour terms in the Proto-Slavic and Proto-Turkic languages

Kozhemyakova E. A., Isaev Y. N., Gubanov A. R., Petukhova M. E.

Abstract. The aim of the research is to identify semantic universals in the evolution of colour terms in the Proto-Slavic and Proto-Turkic languages. The paper analyses the semantics of the Indo-European proto-forms of Proto-Slavic colour terms and the Altaic proto-forms of Proto-Turkic colour terms. The scientific novelty of the research lies in the fact that a comparative analysis of the semantics of the oldest proto-forms of colour terms belonging to two different language families is carried out. Traditionally, these names are considered an example illustrating the national specifics of the reflection of the surrounding reality in the language of a particular people, however, a systematic study of the semantics of colour terms in the diachronic aspect reveals similar features indicating the presence of fundamental differences between modern and ancient perception characteristic of different languages. To identify such semantic universals, the researchers carried out a component analysis of the semantics of the ancient proto-forms that had developed the meaning of the colours white, black, red, blue, green and yellow and their shades in the Proto-Slavic and Proto-Turkic languages. As a result, the following semantic universals have been identified: the absence of an initial semantic connection with the reference object, the presence of a semantic connection with light, the syncretism of the denoted colour tone.

Введение

Данная статья описывает результаты сопоставительного исследования семантики слов, развивающих цветное значение в общеславянском и пратюркском языках.

Теоретической базой исследования послужили труды ученых, посвященные изучению обозначающей цвет лексики как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах (Муратова, 2018а; 2018b; 2020а; 2020b; 2020с; 2021; Hamilton, 2016), а также сопоставительному анализу семантики цветообозначений в самых разных современных языках (Иванова, Орлова, Данилова, 2019; Калинина, 2021; Kigel, 2022). Достаточно часто данная группа слов приводится исследователями как один из классических примеров, иллюстрирующих национальную специфику отражения окружающей действительности в языке того или иного народа, как яркое доказательство своеобразия его языковой картины мира (Кульпина, 2019). Однако системное изучение

эволюции семантики цветообозначений родственных языков позволяет говорить о наличии некоторых уходящих в глубокую древность сходных особенностей, свидетельствующих скорее о существовании принципиальных отличий современного и древнего восприятия цвета (Кожемякова, 2007; 2010), которые и объясняют тот факт, что в семантике древних цветообозначений «отсутствует понятная современному носителю языка мотивированность» (Магасова, Уфимцева, 2019, с. 293).

Чрезвычайно интересным в настоящее время представляется сопоставительное изучение в диахроническом аспекте семантики цветообозначений в разных языковых семьях. Актуальность обусловлена тем, что ранее полученные исследователями данные требуют интегративного осмысления, что позволило бы обобщить имеющиеся достижения в изучении цветообозначений в различных языковых семьях, а также оценить, насколько сходны или различны исторические закономерности эволюции семантики в языках, считающихся неродственными, насколько эти закономерности отражают общие изменения в человеческом восприятии явлений окружающей действительности в целом, что в современной лингвистике может способствовать решению актуальных вопросов соотношения языка и сознания.

Источниками фактического материала для изучения эволюции семантики общеславянских и пратюркских праформ цветообозначений послужили имеющиеся этимологические исследования, а также этимологические и историко-этимологические словари русского языка, славянских и тюркских языков:

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1987. Т. 1.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Рус. яз., 1994. Т. 1-2.

Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.

Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. Вып. 4 (ЭССЯ).

Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'К', 'Қ'). М.: Языки русской культуры, 1997 (ЭСТЯ).

Этимологический словарь тюркских языков. общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974 (ЭСТЯ).

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

Поставленная цель исследования предполагает решение следующих задач:

1. Установить, с чем связана внутренняя форма древних основ и корней, развивших цветное значение в общеславянском и пратюркском языках.

2. Определить особенности компонентного состава семантики праформ цветообозначений общеславянского и пратюркского языков.

3. Определить, являются ли выявленные черты семантики праформ цветообозначений общеславянского и пратюркского языков общими для индоевропейской и алтайской языковых семей.

Методы исследования были выбраны в соответствии с поставленными задачами: для анализа семантики праформ цветообозначений применялся метод этимологического анализа и метод компонентного анализа. В значении индоевропейских и общеславянских, алтайских и пратюркских праформ цветообозначений с помощью сравнения соответствий в родственных языках выделялись семантические компоненты. Несовпадения служили основой для выявления семантического признака, который мог стать причиной развития несовпадающих значений в родственных языках, в дальнейшем проводилось сопоставление этих семантических признаков в языках, считающихся неродственными.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и для проведения спецсеминаров по общему языкознанию, сравнительно-историческому и сопоставительному языкознанию, лингвокультурологии; полученные данные также могут найти применение при создании учебников, учебных пособий по когнитивной лингвистике.

Обсуждение и результаты

Системное изучение семантики цветообозначений в диахроническом аспекте показало, что внутренняя форма многих индоевропейских основ, которые развили позднее в общеславянском языке цветное значение, связана со светом. Восстанавливаемые для некоторых цветообозначений индоевропейские базы обозначают свечение, блеск, сияние.

1. Общеславянское цветообозначение *bělъ, ставшее обозначением белого цвета, восходит к индоевропейской базе *bhel-, которая является видоизменением индоевропейского корня *bhā-:*bhē-:*bhō:*bhə, позволяющего восстановить по соответствиям значение 'светить, сиять, блестеть' (Шанский, 1971, с. 41) (со световым значением связаны др.-инд. bhāti 'сияет, светит'; др.-англ. bāel 'пламя' (Черных, 1994, т. 1, с. 84); др.-исл. bál 'пламя', «огонь» (Фасмер, 1987, с. 149)). Индоевропейская база *bhel-, таким образом, имеет значение 'быть светлым, блестеть, сиять' (Ганина, 2007b, с. 87).

2. Общеславянское цветообозначение *brōpъ, имевшее значение 'интенсивный красный', ставшее в древнерусском языке названием масти (броны) и позднее утраченное русским литературным языком, восходит к индоевропейской основе *bher- со значением 'быть ярким, сиять' и «интерпретируется исследователями как параллельная и.-е. *bhel-» (Ганина, 2007a, с. 105).

3. Общеславянское цветообозначение *blědъ имело значение 'бледный'. Опосредованно можно установить его происхождение от того же индоевропейского корня *bhā-:*bhē-:*bhō:*bhə и индоевропейской базы *bhlēi- 'блестеть' (Черных, 1994, т. 1, с. 93).

4. Общеславянские цветообозначения *sinjь, *sivь, *sěťь, *sěďь, развившие значения 'синий', 'сивый', 'серый', 'седой', восходят к индоевропейскому корню *(s)ki-:*(s)kei- 'блестеть, мерцать' (Черных, 1994, т. 2, с. 163-166), 'мерцать затенять' (Ганина, 2007b, с. 88), 'слабо светить, мерцать, затенять' (Бочкарева, 2007, с. 115).

5. Общеславянские цветообозначения *zelenь, *žylťь, *golqьь, развившие значения 'зеленый', 'жёлтый', 'голубой', восходят к индоевропейской базе *g'hel-: *ghel-: *ghol- 'блестящий, сверкающий' (др.-ирл. gel 'сияющий, сверкающий') (Черных, 1994, т. 1, с. 202).

Все перечисленные общеславянские цветообозначения восходят к индоевропейским основам, в значении которых выделяется семантический компонент 'светящийся'.

Исследователи отмечают, что многие цветообозначения других индоевропейских языков также обнаруживают исходную семантическую связь цветового и светового признака. Так, универсалией для индоевропейских языков считается «в соответствии с принципом синкретизма семантики древнего слова передача значений 'белый' и 'блестящий, сияющий' одной лексемой» (Ганина, 2007b, с. 83). Например, уже упомянутый корень *bhā-: *bhē-: *bhō-: *bhā, давший в общеславянском название белого, в древних германских языках стал базой для формирования цветообозначений синего, серого, черного, коричневого, рыжего (ср. совр. англ. blue, black, brown) (Ганина, 2007a, 2007b; Норманская, 2005).

Данные словарей и исследований показывают, что обозначения белого цвета в тюркских языках имеют аналогичную особенность их древней семантики.

1. Так, к пратюркскому *āk в различных тюркских языках восходят слова, в значении которых есть семантический компонент 'белый' или 'светлый' (ЭСТЯ, 1974, с. 116). Пратюркское *āk возводят к праалтайской форме *iāk'V 'светлый, белый'. «В других языках алтайской семьи семантика слова связана со значениями 'свет', 'яркий свет или цвет'» (Муратова, 2020с, с. 22) (монг. jagān, бур. jagān < прамонгольское *jagayan 'розовый'; ульч. ixere 'светильник, свеча, лампа', орок. ixere 'свеча', нан. ixere 'светильник, свеча, лампа; свет', орок. ixere 'светильник, свеча, лампа' < пратунгусо-маньчжурское *ixere 'светильник, свеча, свет'; кор. igil-kəgi- < пракорейское *ikir- 'ярко гореть, сильно краснеть'), то есть праалтайское *iāk'V «первоначально могло обозначать не цветное, а световое значение» (Муратова, 2020с, с. 22).

2. Другая древняя основа, которая развила в разных алтайских языках цветное значение 'белый' или 'желтый', также имеет параллели, доказывающие наличие ее первоначальной связи со световым значением: праалтайская форма *siājri имеет соответствия со значением 'молния, радуга; свет, светлый' (прамонгольское *sira 'желтый', праяпонское siguā- 'белый', пракорейское *hāi- 'белый', пратунгусо-маньчжурское *siarū- 'молния, радуга; свет, светлый' > маньчж. šari 'свет, светлый', эвенк. sētūn 'молния, радуга', орок. sētto, siro 'молния, радуга') (Муратова, 2018b, с. 54).

Сопоставительный анализ этимологии праславянских и пратюркских цветообозначений, таким образом, показывает сходную особенность их древней семантики, которая свидетельствует о совершенно ином восприятии цвета в древности. Изначально представление о цвете было тесно связано с понятием о свете, как бы излучаемом предметом, о его «светимости» различной яркости, чистоты и насыщенности. Семантический компонент 'цветовой тон', который является ведущим в значении цветообозначений в современных языках, на древнем этапе развития их семантики не был основным. Древние праформы условно можно назвать не цветообозначениями, а «светообозначениями».

Вторая особенность семантики древних праформ общеславянского и пратюркского языков, которая может быть названа универсальной, вытекает из первой особенности и состоит в том, что их значения синкретичны по цветовому тону и, как правило, служат базой для развития цветообозначений различного цветового тона.

Так, общеславянские названия сине-фиолетовой части спектра и темно-серого цвета – *sinjь, *sivь, *sěťь, *sěďь – связаны с индоевропейской праформой *ski-n-jo, общеславянские названия желто-зелено-голубой части спектра и светло-серого – *zelenь, *žylťь, *golqьь – с основой *g'hel-: *ghel-: *ghol-. С различными оттенками красного, рыжего, коричневого – *rydiь, *rusь, *ruměнь, *гьдгь – связана семантика индоевропейской основы *rudh-: *teudh-: *roudh- (Кожемякова, 2010, с. 546). Это еще раз подтверждает, что цветовой тон не был главным компонентом в семантике индоевропейских цветообозначений.

Синкретизм цветового тона характерен и для эволюции семантики пратюркских цветообозначений. Пратюркская форма *gō:k также синкретична по цветовому тону – 'синий, голубой, зеленый' (Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, p. 714) – и возводится к праалтайской форме *kōk'e (~ -i), которой, судя по параллелям из других языков алтайской семьи, охватывались синие, зеленые и серые оттенки: «В том или ином языке слово имеет следующие значения: голубой, лазоревый; синий, аквамариновый; сивый, чалый, серый (о масти), сизый (об окрасе), седой; небо, небосвод; синяк, синька; цвет траура (синий); синева; зеленый; ранняя весенняя трава; зелень, зеленая трава, овощи, незрелый» (Муратова, 2021, с. 226-227). Синкретизм цветового тона наблюдается и у праалтайской формы *ɲiōle 'красный, розовый, желтый' пратюркского цветообозначения *Āl 'красный, алый' (Муратова, 2020b, с. 717). Пратюркскую форму *Kīř-il 'красный' возводят к праалтайской *k'iuŋu 'красный; коричневый, темный' (Муратова, 2018a, с. 127).

Пратюркская форма *Kīř-il 'красный' (от праалтайского *k'iuŋu) позволяет заметить еще одно сходство общеславянской и пратюркской семантики цветообозначений – связь их происхождения с огнем. Так, происхождение праалтайского *k'iuŋu связывают с глаголом-основой qiz- 'накаляться' (Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, p. 828-829).

Образование от глагольной основы характерно также и для некоторых названий цвета праславянского языка. Внутренняя форма цветообозначений *smagль, *gněďь, *vornь, появившихся на общеславянской почве, связана с возникновением окраски под действием огня или солнца. Их тоже можно назвать «отглагольными» цветообозначениями. Так, общеславянскую форму *gněďь (рус. *гнедой*) возводят к индоевропейской базе *k(e)nei-d- со значением 'цвета обгорелого мяса' (Черных, 1994, т. 1, с. 194-195). Общеславянское *smagль

(рус. *сму́глый*) образовано от *смагнути, которое само – от *смага ‘огонь’, ‘пламя’ (Черных, 1994, т. 2, с. 181). Словам *смагнути, *смага в славянских языках имеются соответствия, которые позволяют определить компонентный состав значения общеславянского *smaglъ: укр. смага́ ‘сму́глый от солнца цвет кожи’, ‘загар’, ‘сухость’, ‘жажда’, сма́гнути ‘загорать’, ‘сохнуть’; с.-хорв. сма́гнути ‘потемнеть, почернеть’; чеш. smah ‘жар’, smahnouti ‘высыхать от жара, от тепла’, osmahnouti ‘загореть’; в.-луж. smaha ‘загар’, smahnucь ‘становиться коричневым (от загара)’, ‘обгорать’ (Черных, 1994, т. 2, с. 181). Значением слова *smaglъ, учитывая его внутреннюю форму, можно считать ‘окрашенный в темный цвет действием огня (солнца)’.

Еще одним примером связи семантики цветообозначения с огнем может служить общеславянская форма *vognъ (рус. вороной), восходящая к индоевропейскому корню *ueg- ‘жечь’, ‘сжигать’, ‘обгорать’, ‘делаться черным’ (Черных, 1994, т. 1, с. 166). Несмотря на то, что цветообозначение *vognъ часто толкуется как отпредметное (от названия птицы ворона), его внутренняя форма связана в первую очередь не с предметом, а с процессом изменения, приобретения цвета под действием огня: буквально *vognъ значит ‘сожженный, обгорелый’ (Кожемякова, 2007, с. 66).

Важно также отметить общность в семантике древних основ, давших развитие названиям черного цвета в общеславянском и пратюркском языках. Индоевропейская праформа *krs-но общеславянского цветообозначения *čьpъ ‘черный’ считается архаическим цветообозначением (ЭССЯ, 1974, с. 156). К пратюркскому *Кара со значением ‘черный’ восходят цветообозначения всех тюркских языков (ЭСТЯ, 1997, с. 286). По мнению исследователей, пратюркская форма *Кара своими корнями выходит «далеко за рамки урало-алтайской общности» (Муратова, 2020а, с. 143). Исследователи полагают, что общеславянское и пратюркское цветообозначения ‘черного’ имеют общее происхождение: для алтайской праформы *kàru ‘черный’ и индоевропейского корня *ker(s) ‘черный, темный’ реконструируют ностратический архетип – kar/ä/ ‘черный, темного цвета’ (Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, p. 828-829). В семантике данных праформ связь со светом закономерно не обнаруживается, значение ‘черный, темный’, вероятно, можно считать древнейшим и, возможно, содержащим семантический компонент ‘несветящийся’.

Наконец, сопоставление значений древних основ, давших начало развитию цветообозначений в общеславянском и пратюркском языках, показало, что одной из самых значимых универсалий является отсутствие изначальной связи их семантики с предметом – эталоном цвета. Семантическая структура современных цветообозначений содержит семантический компонент ‘эталон’ как один из главных компонентов, который находит отражение во всех словарных определениях, даже если то или иное цветообозначение не является образованным от названия предмета: черный – «цвета сажи, угля», белый – «цвета снега или мела», красный – «цвета крови». Однако семантический компонент ‘эталон’ (‘цвета молока’, ‘цвета сажи, угля’ и т. п.) не выявляется в семантике древних праформ цветообозначений. Он начинает формироваться на более позднем этапе развития их семантики (см. подробнее о данном процессе в общеславянском и древнерусском языке в работе (Кожемякова, 2010)).

Древние основы, которые в индоевропейских и алтайских языках постепенно развили цветное значение, не являлись названиями цвета в современном понимании этого слова. Это названия ‘зрительно воспринимаемого признака поверхности предмета’, затем его ‘окраски’ и лишь значительно позднее – цвета.

Заключение

Таким образом, сопоставительное исследование семантики древних праформ, развивающих цветное значение в общеславянском и пратюркском языках, позволило сделать следующие выводы:

1. Внутренняя форма древних основ и корней, развивших цветное значение в общеславянском и пратюркском языках, имеет ряд особенностей, свидетельствующих о существовании принципиальных отличий от современных названий цвета.

Прежде всего, отсутствует изначальная связь семантики древних основ и корней, развивших цветное значение в общеславянском и пратюркском языках, с цветом предмета-эталона. Древние праформы общеславянских и пратюркских цветообозначений не были так называемыми «отпредметными».

Кроме того, прослеживается изначальная связь семантики древних праформ, развивающих цветное значение в общеславянском и пратюркском языках, со светом и его отсутствием. Общеславянские и пратюркские праформы названий белого, желтого, голубого, зеленого, синего, серого, красного цветов и их оттенков восходят к еще более древним корням и основам с семантикой света. Обозначения же черного цвета в общеславянском и пратюркском языках обнаруживают общее происхождение и закономерное отсутствие изначальной связи семантики древних праформ со светом.

2. Компонентный состав семантики праформ цветообозначений общеславянского и пратюркского языков также имеет ряд особенностей.

Во-первых, обнаруживается происхождение некоторых цветообозначений общеславянского и пратюркского языков от глаголов, семантика которых связана с огнем.

Во-вторых, отмечается меньшая значимость для общеславянских и пратюркских цветообозначений семантического компонента ‘цветовой тон’, поскольку древние праформы называют синкретичный по цветовому тону признак и дают начало формированию названий сразу нескольких различных по тону цветообозначений в современных языках.

3. Выявленные черты семантики праформ цветообозначений общеславянского и пратюркского языков являются общими для индоевропейской и алтайской языковых семей, что свидетельствует о существовании универсальных отличий в древнем и современном восприятии такого признака поверхности предмета, как цвет.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с сопоставительным изучением эволюции семантики цветообозначений на древнейшем этапе в других языковых семьях.

Источники | References

1. Бочкарева Т. В. Система цветообозначений в древнеанглийском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / отв. ред. А. П. Василевич. М.: Ком. книга, 2007.
2. Ганина Н. А. Система цветообозначений в готском языке и восточногерманском ареале // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / отв. ред. А. П. Василевич. М.: Ком. книга, 2007а.
3. Ганина Н. А. Система цветообозначений в древневерхненемецком и древнесаксонском языках // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / отв. ред. А. П. Василевич. М.: Ком. книга, 2007б.
4. Иванова Е. Н., Орлова А. Е., Данилова В. А. Лексико-семантические особенности некоторых прилагательных цвета, входящих во фразеологические сочетания (на материале разноструктурных языков) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 5 (105).
5. Калинина Е. Е. Цветообозначения в чувашском и китайском языках: к истории изучения // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. № 2 (111).
6. Кожемякова Е. А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке: монография. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2007.
7. Кожемякова Е. А. Универсальное и национально-своеобразное в эволюции семантики цветообозначений: формирование связи с предметом в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4-2.
8. Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер: монография. М.: МАКС Пресс, 2019.
9. Матасова О. В., Уфимцева О. А. Лексико-семантическая группа цветообозначений в современных германских языках // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2019. Т. 19. Вып. 3.
10. Муратова Р. Т. Генезис, развитие и лексическая семантика цветообозначения кызыл 'красный' в башкирском языке // Oriental Studies. 2018а. № 5 (39).
11. Муратова Р. Т. Генезис, эволюция и семантика цветообозначений күк 'синий', зәңгәр 'голубой', jäšel 'зеленый' в башкирском языке // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1.
12. Муратова Р. Т. Историко-этимологический аспект изучения тюркского цветообозначения кара 'черный' // Вестник Башкирского университета. 2020а. Т. 25. № 1.
13. Муратова Р. Т. Историческое и лексико-семантическое развитие цветообозначения ал 'алый, розовый' в тюркских языках // Oriental Studies. 2020b. № 13 (3).
14. Муратова Р. Т. Историческое развитие и семантика цветообозначения ақ 'белый' в башкирском языке (на общетюркском фоне) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020с. № 1 (27).
15. Муратова Р. Т. Цветообозначение һары 'желтый' в башкирском языке: генезис, развитие и лексико-семантическая характеристика // Урало-алтайские исследования. 2018b. № 2 (29).
16. Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: ЗАО 'С&К', 2005.
17. Hamilton R. Colour in English: From Metonymy to Metaphor: Thesis. Glasgow, 2016.
18. Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew "Black" Idioms // Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 2022. Vol. 14. No. 3.

Информация об авторах | Author information

RU Кожемякова Екатерина Аркадьевна¹, к. филол. н., доц.
 Исаев Юрий Николаевич², д. филол. н., доц.
 Губанов Алексей Рафаилович³, д. филол. н., проф.
 Петухова Мария Евгеньевна⁴, к. филол. н., доц.
^{1,3,4} Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
² Чувашский республиканский институт образования, г. Чебоксары

EN Kozhemyakova Ekaterina Arkadevna¹, PhD
 Isaev Yury Nikolaevich², Dr
 Gubanov Aleksey Rafailovich³, Dr
 Petukhova Mariia Evgenevna⁴, PhD
^{1,3,4} Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary
² Chuvash Republican Institute of Education, Cheboksary

¹ ekozhemyakova@yandex.ru, ² isaev2828@yandex.ru, ³ alexgubm@gmail.com, ⁴ petuhovame@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.06.2023; опубликовано online (published online): 16.08.2023.

Ключевые слова (keywords): цветообозначения; этимология; общеславянский язык; пратюркский язык; семантические универсалии; colour terms; etymology; Proto-Slavic language; Proto-Turkic language; semantic universals.